

**ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ
МАГИИ**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ МАГИИ»

Франциска Вудворт
«Как приручить кентавра,
или Дневник моего сна»

Ольга Романовская
«За гранью грань»

СКОРО!

Анна Яновская
«Психотерапевт его величества»

Алиса Пожидаева
«Игры порочной крови»

Ольга Романовская

ЗА ГРАНЬЮ
ГРАНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Серийное оформление — *Ксения Щербакова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Романовская, Ольга.

Р69 За гранью грань : [роман] / Ольга Романовская. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Пятьдесят оттенков магии).

ISBN 978-5-17-094274-9

Дария дорого поплатилась за сострадание. Человек, которого она спасла от мучительной смерти, похитил ее и перенес в жестокий мир, где каждый пытается использовать девушку в своих интересах. Кого-то привлекает ее красота, кого-то — сила. Как Дарии разобраться, кто друг, а кто враг, истинна ли любовь и что делать с просыпающейся чувственностью?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ГЛАВА 1

Светлые... Порой казалось, это ирония, злая усмешка судьбы. Не могут быть светлыми люди, подобные братьям. Может, я слишком чувствительна, может, глупа, но вид корчившихся на крюках темных не вызывал удовлетворения. Наоборот, я их жалела, что категорически запрещалось, особенно дочери такого важного человека, как магистр Лаур Онекс. Положение обязывало стоять в первых рядах и смотреть, поэтому я старалась уходить в горы в дни казней. Там хорошо, птицы, травы... А еще не слышно криков. Они разрывали душу на мелкие кусочки, заставляли закрывать уши, но и тогда в памяти долго звучала чья-то агония. Жуткий обычай! Какие бы злодеяния ни совершили темные, никто не заслуживал такой смерти.

И ошейники... Механизмы боли, они истирали кожу до костей. Как целитель я ужасалась таким увечьям. На трупах — увы, долго темные в плену не жили. Почти все пленники пытались сбежать и погибали: охранные чары приводили в действие ошейник. Тот не только блокировал токи магии в теле, но и запускал в разум щупальца подчиняющих чар. С их помощью людей превращали в безвольных марионеток. Кто сопротивлялся, через пару минут корчился на полу в агонии. А вы говорите — светлые!

Порой я ненавидела и отца, и дядю Алева: именно он творил правосудие. Коренастый, с вечным мечом на бедре, тот не восседал в тронном зале: правитель окрестных земель, единственный магистр, сиятельный лорд и маг Высшего дома, он активно участвовал в охоте на темных. Такие, как Алев Онекс, не сидят дома, они любят войну и открытое небо над головой. Однако статус обязывал. Ох, лучше бы дядя не возвращался с поля боя! Алев Онекс

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

приносил с собой кровь, пот и боль. Видимо, они крепко въелись в его сознание.

А еще дядя любил убивать и насаживать темных на крюки. Да, темные мечтали нас истребить, люто ненавидели, даже перед смертью посылая проклятия, но и мы ведь не лучше.

«Тебя всего шестнадцать, ты еще юна, многого не понимаешь», — повторял отец, когда я робко возражала против зверств. Возможно, поэтому чаще молчала и не вмешивалась. Старательно закрывала глаза на развлечения родных и старалась реже бывать в городе. Зато туда бегала сестра. Алексия три года назад окончила обучение и успела набраться опыта в боевых вылазках. Она не целитель, как я, а полноправная стихийница. Высокая, стройная, с вьющимися пшеничными волосами и изумительным голосом. Настоящая светлая, какими обычно нас рисует людское воображение. Мы похожи, только Алексия чуть выше и глаза зеленые, а не карие, как у меня и матери.

В детстве я могла часами смотреть, как сестра играет с огнем. Он, будто пес, лизал руки и покорно принимал любую форму. Хотела сестра — перед ней дракон, хотела — огонь венчиком обнимет голову. Потом выяснилось, Алексия умеет не только развлекать младшую сестру, но и убивать. Отец как-то с гордостью обмолвился о сожженном замке темных. Я тогда убежала в слезах и долго не могла простить сестру. Умом понимала: темные — сплошь злодеи, но сердцем жалела. Там же женщины, дети... В ответ темные вырезали два города и соорудили запруды из человеческих тел. Даже в магическом зеркале смотрелось жутко, а ведь я привыкла к крови: нельзя целителю ее бояться. Вот и как после этого?..

В плен темные попадали редко: предпочитали смерть бесчестию. Добывали их обычно не в бою, а хитростью. Устраивали ловушки, вмешивались в сеть порталов, искажая настройки, чтобы те не сработали или выкинули не там. Брала не всех, а тех, кто мог рассказать нечто полезное. Пытали, однако темные стискивали зубы и смотрели так, будто собирались воскреснуть через пару минут и стори-

ЗА ГРАНЬЮ ГРАНЬ

цей отплатить за «гостеприимство». Над ними издевались. Любой мог подойти, плюнуть, ударить, подразнить водой. Алексия же и вовсе приносила складное кресло и читала, пока темный не испускал дух.

Каюсь, некоторых приговоренных я поила. Большого сделать не могла, прознали бы и наказали. Крадучись, будто вор, пробиралась на кухню, наполняла тыквенную флягу и несла во двор. Темные отказывались, и я вливала влагу насильно, частенько рискуя пальцами. Да что там пальцами — собственной жизнью! Проклятие — далеко не самое страшное, чем мог наградить маг, стоящий одной ногой в небытие. Спасали ошейники — страшное изобретение светлых. Все ими гордились, но я, лекарь, не могла восхищаться сломанными костями, выданным мясом и кровоподтеками.

В тот день я перебирала собранные накануне травы. Что-то нужно измельчить, что-то пустить на вытяжки, что-то повесить в темный уголок. Холщовая котомка валялась на кровати, а сами травы лежали на столе, на чистом полотне.

Визит Алексии застал врасплох. Я полагала, она в городе, у подруги. Меня в Вердейл не тянуло: слишком шумно и грязно. Впрочем, не звали, знали: нелюдимая Дария испортит все веселье. И то правда, какой от меня прок девичьей компании? Там ведь о парнях да моде щебетали, а я в этом не разбиралась: нельзя племяннице магистра думать о пустяках, когда в лазарете раненые. Вот и развлекалась, пересказывая им последние новости, пока меняла повязки. Порой я завидовала беззаботным девушкам из Вердейла. Им не приходилось никому закрывать глаза. И не только темным — скольких светлых я проводила в последний путь! Что еще могла шестнадцатилетняя соплюшка? Я мечтала когда-нибудь победить смерть и сделать всех счастливыми. Когда-нибудь — это когда прекратится бесконечная война, в которой добро со злом сплелись в единый клубок.

— Дария! — Рука сестры легла на плечо, заставив вздрогнуть. — Пойдем со мной!

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

Алексия выглядела встревоженной и отчего-то отводила глаза. Судя по заляпанной грязью мужской одежде, сестра только что порталом вернулась с приграничья. Оно рядом, всего пара дней пути. В нашей части долины относительно тихо, но чем ближе к горам, тем опаснее.

Помолчав, сестра шикнула:

— Только никому не говори!

Заинтригованная, пообещала молчать. По настоянию Алексии прихватила сумку с набором целителя и поспешила в комнату сестры. Мы жили рядом, через короткий коридор. Мне досталась комнатуха с окнами на двор, Алексия устроилась в покоях тетушки, сгнувшей на войне с темными. Эх, я бы оценила панораму на реку! Сестра же напрочь лишена романтики, даже старую резную мебель приказала выбросить и заказала новую, совсем простую. В спальне меня поджидал сюрприз: на полу лежал мужчина. Окровавленный, весь в грязи, в смиренном ошейнике, со связанными руками. Темный, тут даже думать не надо. На вид — лет сорок, может, чуть младше. Волосы каштановые, обожженные магией. Судя по сохранившимся прядям, некогда они отливали цветом спелой сливы. Глаза зеленые, но не как у Алексии, а темнее. Весь живот в крови, ткань прилипла к телу. Странно, что выжил, но, может, под одеждой не так страшно, как на вид. Правая кисть изрезана, левая неестественно согнута. Судя по всему, вдобавок сломаны ребра. На пальце — кольцо. Значит, женат. Интересное кольцо, к слову, из белого золота с гравировкой. Снять бы, почитать. Темные для меня — непознанный мир, их обычаи только по книгам знаю, а тут такая возможность!

— Где ты его взяла? — Я перевела взгляд на Алексию.

Отец узнает — голову оторвет! Любимица любимицей, но протащить порталом темного в родовой замок!.. Ладно в темницу — в жилые покои! Узнаю сестру, такую бесшабашную магессу еще поискать. Недаром она заводила среди младшего поколения рода.

— В Сомнейской долине. — Алексия кинула на пол пыльную рубашку. Только сейчас заметила, сестра тоже ра-

ЗА ГРАНЬЮ ГРАНЬ

нена, но походный лекарь успел ее перевязать. — Сюда теплотпортом закинула. Он пощады попросил, пожалела.

Изумленно уставилась на темного. Они никогда не просили пощады!

— Я сама ушам не поверила, — устало улыбнулась Алексия и потянулась к кувшину с водой. — Обычный бой. наших шестеро, их трое. Этот, — она кивнула на темного, — храбро сражался, Гейла убил. Последний из своих остался. Я добить не смогла. Уже меч в живот вонзила, а он прохрипел: «Пощади!» Глянь, выживет ли. Если нет, ты знаешь, как безболезненно отправить в вечное плаванье.

— А потом его куда? — Склонилась над раненым, сканируя ауру. — В рабы или в бордель продашь?

Да, есть в Вердейле подобное заведение. По слухам, там практиковали разные извращения. Не светлые — обычные люди. Темные, к слову, подобные вещи тоже любили, даже превзошли всех. По слухам, попавшие к ним женщины частенько не доживали до утра, ведь ласковы навсеи — так официально называли темных — только с женами. Помимо них существуют наложницы — совместная ответственность всех членов семьи. Жутко, одним словом.

— Наверное, себе оставлю, если отец не запретит... — Алексия кинула на пленника короткий задумчивый взгляд. — Он тихий, не дергался, когда ошейник надевала. А ведь они гордые.

Тоже верно. Странно все как-то, на ловушку похоже. Может, это лазутчик? Я присмотрелась к темному. Раньше не вглядывалась в лица навсеев, быстро поила и убегала. Тут уж не до любопытства, хотя птицы к нам попадали знатные: все занимали ключевые посты или хотя бы дослужились до офицерского звания. Разумеется, откровенничать они не желали и заканчивали дни на крюках. Вместе с кровью вытекала сила: другим способом из темных ее не забрать. Все равно бесчеловечно! Хотя темные поступали с нами намного хуже. Судя по обрывкам разговоров, им нравилось пытаться. Неважно кого: животных или людей.

Страшный жестокий мир! Даже не верилось, что за узкой полоской залива течет мирная жизнь, нет боли,

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

крови, проклятий. Как бы я хотела улететь туда, но не могла. Светлая — это долг. Маги обязаны защищать людей, чтобы они могли беззаботно веселиться, любить, рожать детей. Много веков назад, еще со времен Великого исхода, мы обосновались здесь, на полоске суши между морем и горами, чтобы извести темное племя. И, кажется, преуспели: элементали утверждали, будто навсеев рождено меньше. Проверить не могли: темные тщательно прятали детей, только духи воздуха их и видели.

Наверное, долгие годы борьбы ожесточили нас. Иначе откуда азартный блеск в глазах Алексии при известии об очередной вылазке навсеев? Откуда злость в отце, когда тот выплевывает ругань в глаза пленнику? И жажда крови, она тоже возникла не на пустом месте. Но я верю, когда-то все это закончится и элементали воздуха унесут нас на широких покрывалах за залив, к людям, которых мы так берегли.

Убрала руку и вздохнула. Плох. Смотрит затравленным взглядом. На дне зрачков плещется ненависть.

Страшно, будто кладешь голову в пасть горного льва!

Аура рваная. Внутренней силы много, но кровотоечение с каждой минутой ослабляло темного и приближало смерть. Повезло, что Алексия неглубоко вонзила меч. А тут еще другие раны, ожоги.

— Я должна вас осмотреть, я не причину зла, — вкрадчиво обратилась к навсею, надеясь достучаться до разума. Сомневаюсь, будто послушает, но врачебная этика требует. — Успокойтесь и не сопротивляйтесь.

Ресницы у навсея длинные, брови густые. Нет, Алексия определенно пленника оставит, если тот выживет. Мощный, широкоплечий. Губы тонкие, подбородок квадратный — и с ямочкой. Едва заметной, но такой трогательной для убийцы. Кожа смуглая, оливковая, волосы с необычным отливом: хорошо видно у висков, где новые отросли. Глаза... Ой, да они с ободком! Только сейчас я заметила легкий ореол вокруг зрачка на тон темнее радужки.

— Дария! — сердито окликнула сестра. — Хватит пятиться, он мой!

ЗА ГРАНЬЮ ГРАНЬ

Показалось или по лицу темного пробежала гримаса презрения?

— Мне не нужен любовник. — Чистая правда, мужчины — это по части Алексеи. — Просто никогда навсея близко не видела. Подержи, пожалуйста, ему руки.

Смирный смирным, а подстраховаться надо. Главный враг любого мага — беспечность, а раненые в предсмертном броске способны положить пол-отряда.

— На нем ошейник, колдовать не сможет, — заверила Алеския, но, тем не менее, ухватила темного за запястья.

Навсей скривился от боли и со злостью пробормотал: «Ланга!»

Мы для них ланги, они для нас навсеи.

Я достала ножницы и разрешила одежду темного. Пару минут молча разглядывала, гадая, стоит ли лечить. Алексия тоже смотрела, но с иными целями: оценивала тело. Цепкий взгляд ощупал каждый дюйм. Особенно Алексею волновало то, что ниже пояса. Сестра томно вздыхала и, не будь меня, наверняка бы распустила руки. Я тоже мельком глянула на мужское достоинство и вернула белье на место. Повреждений нет, а прочее мне не нужно до свадьбы.

— Хорош, правда? — Алексия плотоядно облизнулась.

— Не знаю, — покраснела я.

— Да брось! — Сестра стянула с темного белье. — Глянь, какой ладный, красивый! — Пальцы неумейной Алексии пробежались по добыче и отпустили. — Неужели не интересно? Штаны все равно нужно сжечь, — невинно вздохнула она и ловко испепелила одежду прямо на пленнике. — Рубашку тоже — лохмотья же.

Ткань вспыхнула, оставив навсея обнаженным. Вот зачем, спрашивается? Еще успеет развлечься. Им ведь отношения налаживать, а сестра с самого начала все испортила.

— Неинтересно! — огрызнулась я и напомнила: — Он при смерти, а ты о содержимом штанов думаешь! Лучше помоги на кровать уложить. Или, как собаку, на полу держать станешь?

Алеския устыдилась и отвела взгляд.

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

Темный отчего-то смотрел на меня, нехорошо так смотрел. Будто это я его унизила! Даже обидно стало.

— Уйди, — попросила сестру, когда мы совместными усилиями устроили навсёя на кровати. — Ты его нервируешь да и меня сбиваешь.

— Позовешь! — Алексия неохотно удалилась.

Стоило захлопнуться двери, как я развила бурную деятельность. Разложила содержимое сумки на столике, нагрела воды, приготовила чистые бинты, освежила заклинания в голове. Темный то ли ворчал, то ли постанывал. Когда вновь склонилась над ним, заметила капельки пота у крыльев носа и плотно сжатые челюсти. Больно ему, очень больно, и не только телу — ауре.

— Верьте мне! — шепнула я и, помолчав, добавила: — Я не заберу силу.

После же... Вот недаром выставила Алексию, она бы руки оторвала. Любой бы на ее месте оторвал, но мне нужна помощь навсёя, доступ к его магии. Без этого мне не вылечить ничего, кроме кожи.

Щелкнул ошейник. Какой он тяжелый и как холодит пальцы! Будто металла на морозе коснулась. Под ошейником гематома. Быстро свела ее, окутав горло темного зеленоватым облачком. Заодно навсёя поймет, я лекарь, а не палач. Кажется, сообразил, или просто хитрый. Лежит, не двигается, подозрительно смотрит. А у меня пальцы дрожат. Ничего во мне, кроме целебной магии, нет, защититься в случае нападения не смогу. Метнется темный смазанной тенью, ударит ребром ладони по горлу — и все, мертва. Видела такое. Но темный не спешил нападать, наблюдал. Видимо, не считал достойной траты последних крупниц жизненных сил.

Немного успокоившись и убедив себя — ничего дурного, сняв ошейник, не сделала, приступила к лечению. Сначала осторожно перевязала, затем вскинула руки и зажмурилась.

— Глупая ланга, — донесся сдавленный шепот раненого, — ты открылась!

ЗА ГРАНЬЮ ГРАНЬ

Вздрыгнула, сообразив, о чем он, но продолжила лечение. Краем глаза заметила черное облачко, однако заставила себя стоять, где стою. Он слаб, он не сумеет. А если да? Меня он не пожалеет: темным незнакомо это чувство.

Облачко развеялось, едва коснувшись пальцев. Навсей застонал и закатил глаза. Я же, унимая дрожь, погрузилась в ауру темного. Она оказалась вязкой и дырявой, только успевай штопать. Взмокнув, закатала рукава и чуть ли не легла на раненого. Пальцы искали прорывы и зашивали. Губы непрерывно бормотали десятки заклятий.

Прикосновение темного заставило дернуться и вернуться в вещественный мир. На память о невидимом щупальце осталась красноватая метка на щеке.

— Ты открылась! — с усмешкой повторил навсей. — Но ты не маг.

Вот так заявление! От возмущения даже о собственной ауре забыла, а зря, темный до нее таки добрался. Пока только исследовал и черпал силы, но лиха беда начало. Я же, парализованная, не могла двигаться. Тело отказывалось подчиняться, даже дышала по приказу навсея.

Думала, убьет — нет, отпустил, втянул то самое черное облачко — свою вторую половину. И сразу побледнел, захрипел. Спрашивается, зачем так надрывался? Повязка на животе тут же взбухла от крови, вправленный перелом заново вспучился обломками кости. Терпеливо вылечила все снова и поднесла к губам снотворное. Лучший союзник больного — отдых, но, мучаясь от боли, глаз не сомкнешь. Заодно во сне снова застегну ошейник, только бархотку проложу, чтобы уменьшить повреждения. Ток энергии она не изменит, а жизнь навсею облегчит.

Однако до сих пор качает! Никогда в меня еще не забирался чужой. У нас нет второй половины, так **называемым** на-ре, мы не вмешиваемся в естественный ход вещей, поэтому без щитов беспомощны перед темными.

Навсей лежал пластом. Глаза закатились, дышал поверхностно. Преодолев дурноту, положила ладонь на чужую грудь, выравнивая сердцебиение. Навсей глухо застонал

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

и ответил мне помутневшим взглядом. Нет, так дело не пойдет, я не для того тебя лечила, чтобы ты умер!

— Зачем? — глухим шепотом спросил темный.

Лоб вспотел, жилы на шее взбухли, а повязка на животе поалела. Плохо, очень плохо! Нагнувшись, фактически обняла навсея, вместе с ним дрожа от жара. Поневоле принялась: пот, гарь, вереск.

— Это я вас должна спросить: «Зачем?» — пробормотала с укором, укачивая, как ребенка. Маленькая я — такого большого его. — Ну не смог бы ваш на-ре меня подчинить или убить, только зря себя мучаете. Умереть хотите?

Злость ушла с лица темного, ее сменили растерянность и усталость. Неужели тоже открылся, неужели убрал колючки? Наверняка понял, что я делаю: забираю часть испорченной энергии, заменяя чистой, свежей. После такого тошнит, а если переборщишь — сляжешь. Но иного способа спасти навсея нет, умер бы, лечи я его обычными средствами.

— Хочу, — согласился темный и облизал пересохшие губы.

Рука дрогнула, пальцы сжались — судорога. Тихо, тихо, сейчас сниму!

Ранения в живот — самые страшные, хуже только в бедро и в горло. Да, именно в брюшную полость, а не в грудь: грозят множественными внутренними кровоизлияниями и разрывами кучи органов. Повезло, что Алексия не проткнула насквозь. А ведь у навсея и другие повреждения имеются, те же магические.

— Тогда пощады зачем просили?

Удивленно уставилась в зеленые глаза с болотным ободком. Какие же у него длинные ресницы! Густые, иссиня-черные, даже завидно. Понятно, почему сестра, вопреки правилам, принесла, только жалко мне навсея. Это не тот народ, чтобы смириться, стерпеть, подчиниться. Значит, впереди унижения и наказания. Себе забрать? Сестра ведь навсея к близости принуждать станет, знаю, какими средствами это делают. Откуда? Лекарь же, в четырнадцать лет

ЗА ГРАНЬЮ ГРАНЬ

пришлось, преодолевая дурноту, читать рецепты. Фу, противно!

Может, действительно забрать? Спокойно выздоровеет, разговорить сумею, опять же жизнь спасу. Останавливали две вещи: гнев Алексии и опыты мэтра Дорна. Учитель замучает несчастного, проверяя, как сворачивается кровь, заживают раны, восприимчив ли навсей к разного рода заклинаниям и ядам. Спасибо не препарирует!

Темный промолчал и отвернулся. Неужели Алексия солгала? Или сказал в минуту слабости, а теперь сожалеет?

— Дышать легче? — переложив темного на подушки, заботливо поинтересовалась я.

— Да, — сдавленно ответил он, изловчившись, приподнял голову и требовательно спросил: — Зачем возишься? Ланге нужна игрушка?

Щеки зарделись.

— Не тебе ведь.

Показалось, или по губам навсея мелькнула усмешка?

Вздрыгнула, когда его пальцы отыскали мои. Темный держал слабо, но руки не вырывала, словно загипнотизированная, смотрела на черные вены под кожей. Неужели скончается? Умиравшие часто просят подержать их за руку.

Поддавшись минутному порыву, провела ладонью над пальцами, убирая порезы.

— Глупая ланга! — уже устало повторил навсей. — Наклонись и не двигайся.

Что он задумал? Нахмурившись, осталась сидеть, как была, но темный настойчиво повторил просьбу.

— Ланга боится меня? — На пороге смерти, а все туда же! — Я слаб, ты же видишь.

И я рискнула, наклонилась, чтобы утонуть в черном облаке на-ре. Теперь меня ощупывали, вернее, не меня, а мое сознание. Щекотно! Я не сопротивлялась: понимала, зачем это навсею, поэтому обошлось без боли. Наконец темный закончил и втянул тень обратно. Его трясло; навсей не скрывал стонов. Казалось бы, мелочь, но показательно: мне можно видеть его слабость. Хотя, не спорю, случаются